

Т. А. Мищенко*

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове*

«ХОРОШАЯ МАТЬ» ИЛИ «ДОСТАТОЧНО ХОРОШАЯ МАТЬ»: К ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА МАТЕРИНСТВА В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ

Аннотация

Автор прослеживает становление социального стандарта «хорошая мать». Его истоки находятся в утверждении определенного социального договора (контракта) советского государства и трудящейся женщины с детьми. Условия контракта «работающей матери» менялись на протяжении существования СССР, усложняя стандарт «хорошей матери» противоречивыми требованиями, формируя у женщин чувство социальной вины и ответственности. Трансформация образа материнства в современном обществе может быть связана с изменением акцентов с идеальной «хорошей матери» к реальной «достаточно хорошей матери».

Ключевые слова: хорошая мать, достаточно хорошая мать, контракт работающей матери, социальный стандарт, советское общество.

В современном мире на повседневном уровне мы постоянно сталкиваемся со стандартами, которым необходимо соответствовать. Один из таких стандартов для женщины – быть «хорошей матерью». Вне материнской роли женщина считается несостоявшейся, зачастую подвергается стигматизации за отсутствие

* Кандидат исторических наук, доцент

репродуктивного выбора, не смотря на карьерные или образовательные успехи. При этом стандарт современной «хорошей матери» настолько сложен и противоречив, что многие испытывают разочарование от невозможности соответствовать идеальному образу родителя, адресованному российскими СМИ и политикой государства преимущественно женщине. О том, что современные требования становятся все более противоречивыми, а материнство все более сложным, пишут журналисты: «Наша озабоченность безопасностью, сосредоточенность на достижениях в учебе, стимуляция самооценки, расписанное до мелочей детство лишают детей возможности стать здоровыми взрослыми. На бумаге они могут выглядеть успешными, но смогут ли они выживать в мире без постоянного вмешательства родителей? А что с нашей собственной жизнью? Мы вымотались, нервничаем, чувствуем пустоту».¹⁾

Разочарования от невозможности соответствовать идеалу матери каждый день появляются в записях женщин разных возрастов в социальных сетях. Так, в сети «В контакте» создана группа *#щастьематеринства*, которая имеет более 25 тысяч подписчиков, ее часто обсуждают и цитируют. Многие матери в этом интернет-сообществе делятся своими трудностями материнства и винят в себя в том, что они не «хорошие матери»: *«Не понимаю, как же так: с одним ребенком мучаюсь и не могу смириться с ролью матери, а у кого-то двое/трое/четверо детей и они счастливые порхают, находят в этом себя и наслаждаются такой жизнью... А я все жду, что когда-то смогу вернуться в беззаботную жизнь. А этого никогда не будет... И дочь запланированная и долгожданная, а мне чего-то все не хватает»*.

Эта тема привлекает социологов и историков. Так, в интервью Русской службы Би-би-си социолог Анна Шадрина рассказывала о выходе в свет книги *Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке*, где автор выясняет, что из себя представляет современный стандарт «хорошей матери», и прослеживает, как менялась материнская идеология за последние сто лет.²⁾

Как нам кажется, истоки современного стандарта «хорошей матери», недостижимого и от того вызывающего чувство вины, лежат в нашем советском прошлом. Описывая общественные от-

1) https://snob.ru/profile/29483/blog/125094?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=rss_blog

2) <http://www/bbc.com/russian/features-39892543>

ношения по поводу материнства, принято пользоваться термином «социальный контракт». В СССР поощрялась полная трудовая занятость женщины при поддержке семьи социальными программами государства, что принято обозначать термином «контракт работающей матери».³⁾ Добавим, что в этом контракте существенные условия для матери постоянно переписывались и усложнялись, что было бы невозможно, будь этот контракт юридическим, а не социальным договором.

Так, в 1920-е гг. возникли первые требования к «хорошей матери». Государство стремилось преодолеть антисанитарные условия жизни, отсутствие привычки к чистоте в доме, навыков личной гигиены. Наблюдалась полная неосведомленность о симптомах болезни, боязнь обратиться за медицинской помощью. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи деревня привычно компенсировала обращением к знахаркам, гадалкам, колдунам. «В деревне Ивановичи Дятьковской волости Евдокия Лаврухина, старуха лет 70, слывет в деревне за «бабьего фельдшера». Знахарство ее заключается в том. Что она берет дежку, наливает воды, что-то нашептывая, сует в нее грязные пальцы и трет по лицу больного ребенка. За такие «услуги» берет, конечно, немалую мзду, но ребята от этого не только не выздоравливают, но заражаются от грязных лап бабки Лаврухиной».⁴⁾ Таким образом, на мать возлагались прежде всего гигиенические требования по уходу за ребенком. Появился и новый идеал 1920-х гг. – «мать-общественница»: «Выходят под бой барабанов пионеры, читают стихи. Вносят младенца, слышатся крики «Ура!», аплодисменты. Мать ребенка произносит речь: «...ребенок принадлежит мне только физически. Для духовного воспитания передаю его обществу». Выступает председатель, нарекает ребенка именем. Вручаются подарки (красное одеяло и книги). Звучит музыка, раздаются аплодисменты».⁵⁾ К 1930-м гг. советская «хорошая мать» – это уже суперженщина, эпически изображаемая, социально значимая в роли героини труда, науки, спорта, искусства. При этом она справляется с материнскими обязанностями, что подтверждается тенденцией довоенного роста рождаемости, снижением младенческой смертности, всеобщим школьным образованием.⁶⁾

3) См.: 6.ГАРФ. Ф.7928. Оп.3. Д.3672.

4) *Наша деревня*, 1925. №32(47)

5) А. О. Филатов, *О новых и старых обрядах*, Профиздат, Москва, 1967, стр. 35.

6) А. Блюм, *Родиться, жить и умереть в СССР*, Новое издательство, Москва, 2005, стр. 95, 103–105.

Существенные изменения претерпел «контракт работающей матери» в 1960-е гг. и в последующие советские десятилетия. В советском варианте Welfare state предусматривались дополнительные гарантии государства для женщин с детьми: доступный отдых, медицинские услуги, полностью бесплатное школьное обучение (включая учебники и питание), за небольшую плату (как правило – 25% от стоимости) пребывание ребенка-дошкольника в яслях или детском саду, а школьника во второй половине дня в группах продленного дня, кружках и секциях. Теперь, чтобы быть «хорошей матерью», правильно было воспитывать ребенка с помощью разнообразных образовательных учреждений, в которых педагоги профессионально скорректируют его развитие и образование. Наблюдался идеологический синкретизм стандартов «хорошей матери» и «трудящейся женщины»: «Как ни парадоксально это звучит, но именно занятость женщин производственными и общественными делами помогает им лучше воспитывать детей. Как показывают социологические исследования, работающая женщина с ее трудолюбием, широким кругозором, богатым знанием жизни служит лучшим примером своим детям, вызывает у них восхищение, желание подражать ей во всем».⁷⁾

Опросы, которые проводились в 1960-е гг., указывают на то, что детский сад оценивался семьей как преимущественный вариант пребывания ребенка, так как родителей пугало отсутствие педагогических знаний у старшего поколения, однообразие и малосодержательность деятельности ребенка дома. Уход за детьми, возглавляемый на бабушку (реже дедушку) оценивался скорее, как неизбежный при отсутствии возможности устроить ребенка в детский сад.⁸⁾

К 1970 гг. с возрастанием общей культуры семьи повышались требования родителей к воспитанию. По данным опросам, проведенного в 1970 г. в Литовской ССР процент женщин, довольных детским садом, был немногим выше процента довольных уходом за детьми бабушками и дедушками.⁹⁾ Вообще в десятилетие семидесятых свершается определенный «консервативный поворот» в гендерной политике государства и настроениях в обществе. Анна

7) ГАРФ. Ф.7928. Оп.3. Д. 3672.

8) *Проблема взаимодействия детского сада и семьи в СССР и постсоветской России*, <http://doshkolniki.org>

9) Я. Андриюшквичене, „Женский труд и проблема свободного времени“, в сборнике: *Проблемы быта, брака и семьи*, Вильнюс, 1970, стр. 80.

Шадрина говорит в интервью: «Когда в начале прошлого века нужно было отобрать у деревенской женщины ребенка и поместить его в детский сад, чтобы заставить ее пойти на завод, говорилось о том, что социализация в раннем возрасте – это прекрасно. Потом, когда с детскими садами возникли перебои и нужно было, чтобы женщины забрали домой детей, говорилось, что нет, социализация и коллективизация ужасны, мать должна находиться с ребенком до трехлетнего возраста. А почему до трехлетнего? Чтобы не открывать ясельных групп».¹⁰⁾

В публичном дискурсе возникла тема «вины» перед детьми, которых работающей женщине приходится покидать: «...Спешка, спешка, вечная суета!...Уроки сделал? Что ты слоняешься без дела, хоть бы почитал. Тебе скучно, а мать разрывается, хоть бы помог. А ну тебя, только мешаешь, иди к отцу». И это называется общение...А знаете, что нужно ребенку? Прижаться к маминому плечу, заглянуть ей в глаза и чтобы она обязательно посмотрела ему в глаза тоже. И чтобы выслушала его – ему обязательно хочется о многом рассказать. И чтобы рассказала что-то сама – только не второпях, не кое-как».¹¹⁾

Эмоциональная работа матери чаще всего сопряжена с эмоциональной работой жены при появлении новых требований в браке. Одним из результатов индустриализации, урбанизации и связанных с ними изменений было то, что брачно-семейная жизнь приобрела выраженный личностный характер.¹²⁾ Польский социолог Я. Щепаньский, исследователь социальной трансформации общества, выделял внутренние и внешние силы поддержания сплоченной семьи. В качестве внутренних сил он предлагал рассматривать: а) взаимную любовь; б) чувство долга по отношению к супругам и детям; в) взаимное стремление к продвижению, карьере, благоустроенности; г) заботу о совместном жилище, доме, домашнем хозяйстве; заботу о детях, разделение труда в этой сфере; д) осознанное и неосознанное стремление оправдать ожидания среды, родственников и более широких групп; е) стремление к осуществлению собственных мечтаний и представлений периода обручения, возможность гармонического развития личности и использование брака как средства к реализации экспансивных

10) <http://www/bbc.com/russian/features-39892543>

11) Л. Никитина, „Посмотри в глаза ребенку“, *Комсомольская правда*, 1 ноября 1975

12) См.: Я. Щепаньский, *Элементарные понятия социологии*, Прогресс, Москва, 1969.

стремлений личности. Внешние силы – это: а) санкции, делающие иногда невозможным развод; б) давление общественного мнения или системы санкций, когда отказывают в признанном положении в обществе людям из распавшихся семей; в) давление экономических условий; г) предъявляемые средой требования заботы о детях.¹³⁾ Возросшая эмоциональность самого супружества сделала более трудным его совмещение с другими формами родственных отношений в рамках одной семейной группы. Женщина понимала перечисленные выше условия во многом как свои обязанности по поддержанию морального климата и стабильности семьи, что существенно прибавляло ей усилий. Причина – в социальной ситуации 1960-1970 гг.: недостаток мужчин в брачных возрастах и повышение ценности института брака: тенденция к ранним бракам, стремление после развода вступить в повторный брак провоцировала для женщин ситуацию конкуренции друг с другом на брачном рынке, а значит и предъявление к себе повышенных требований в браке, чтобы оправдать ожидания мужчин. Они закономерно могли быть завышенными.

По переписи 1959 г. мужчин в СССР насчитывалось более чем на 20 млн меньше, чем женщин, причем во многих сельских районах и небольших городах эта диспропорция была еще большей: «За последние годы число зарегистрированных браков увеличилось с 8,7 на 1 тыс. чел. Населения в 1965г. до 10,7 в 1975г., что превышает соответствующий показатель во многих странах мира».¹⁴⁾ Относительно высок процент лиц, стремящихся после развода вступить в новый брак. Так, например, в 1967 г. в СССР зарегистрировано 646300 разводов. В том же году в повторный брак вступили 353 700 мужчин и 312900 женщин.¹⁵⁾

Советская женщина испытывала вину перед детьми и мужем по причине трудовой занятости, но интересно то, что американская домохозяйка, всецело посвящавшая свое время мужу и детям, тоже несла на себе «социальную вину»: «При этом центром особого внимания была избрана мать. Неожиданно обнаружилось, что практически во всем виновата именно она. Причиной любого заболевания ребенка или взрослого человека – алкоголика,

13) Там же, стр. 146–147.

14) *Народное хозяйство СССР в 1975 г.*, Статистика, Москва, 1976, стр. 44.

15) А. Г. Харчев, М. С. Мацковский, *Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование)*, Москва, 1978, стр. 65–66.

самоубийцы, шизофреника...вообще любого недуга американца или американки всегда считалась мать, эта разочарованная, всегда измученная, неудовлетворенная, несчастная женщина».¹⁶⁾ Соответственно, «женщина-вина» – это удобная для любого общества позиция, способная дискриминировать женщину. Самодискриминация женщин выражалась в том, что испытывая чувство вины перед семьей, они стремились выполнять в одиночку основной объем домашнего неоплачиваемого труда, при этом стандарт «хорошей матери» все более расширялся. Устойчивая связь между матерью и ребенком вызывала, например, такие пожелания в советском женском журнале *Работница*, как открытие маршрутов общественного транспорта для мам с детьми (отцы при этом даже не упоминаются): «Три года каждое утро и каждый вечер ездим мы с сыном в троллейбусе по третьему маршруту: он в детский сад, я на работу. Завидев троллейбус, сын начинает гадать, где водитель остановится, где будет передняя дверь и успеем ли мы воспользоваться правом войти с передней площадки...увы, такое случается редко. Обычно же в первую дверь входят сильные, ловкие, молодые. Как-то в журнале *Работница* сообщалось о заботливых транспортниках города Мелитополя, которые организовали детский маршрут – специальные автобусы в утренние и вечерние часы для мам с дошколятами. Кажется, у них есть последователи в других городах? Это очень хорошо! Спокойны и мамы и дети. Вот бы и нашим калужанам подумать о детских маршрутах».¹⁷⁾

Реализация контракта «работающей матери» в позднесоветское время стала предметом общественного разочарования и критики. Владимир Познер в «праздничном» интервью в мартовском номере журнала *Работница* в 1989 г. заявил: «Однако жизнь работающей женщины у нас крайне тяжелая. Она занята вдвое больше, чем мужчина, быт устроен так, что вышибает из нее все силы. И удручает, ну, как вам сказать, двуличие, если хотите: на словах мы славим женщину, а на практике мало что делаем, чтобы изменить это положение. А когда общество говорит одно, а практикует совсем другое, это вызывает у людей разочарование, разъедает душу, и человек постепенно становится скептиком и циником».¹⁸⁾

16) См.: Б. Фридан, *Загадка женственности*, Москва, 1994.

17) Н. Беднякова, „Хорошо бы детский маршрут“, *Работница*, №6/1970, стр. 25.

18) И. Скляр, „Не надо ждать милостей от ...мужчин!“, *Работница*, №3/1989, стр. 22.

Вслед за поколением советских матерей, так и не достигших идеального совпадения со стандартом «хорошей матери», его пытаются достичь и более молодые матери из поколения миллениалов, получая новые требования к реализуемому контракту материнства (обязательная длительная эмоциональная связь с ребенком, проведенное время, разнообразные праздники и путешествия для ребенка, раннее развитие и здоровый образ жизни). При этом одна из сторон гендерного контракта – государство – в одностороннем порядке сняло с себя множество социальных обязательств. Возможно ли выполнить новый стандарт «хорошей матери»? Согласимся с мнением Анны Шадринной, которая советует присмотреться к термину «достаточно хорошая мать», изобретенному Дональдом Вудсом Винникоттом — британским педиатром и детским психоаналитиком. Это позволит современным женщинам в России (и не только в ней), выбравшим жизненный сценарий материнства, сказать себе: «Я делаю все, что могу для своего ребенка, несправедливо требовать от меня большего!»

ЛИТЕРАТУРА

- Андриюшкявичене Я., „Женский труд и проблема свободного времени“, в сборнике: *Проблемы быта, брака и семьи*, Вильнюс, 1970.
- Беднякова Н., „Хорошо бы детский маршрут“, *Работница*, №6/1970.
- Блюм А., *Родиться, жить и умереть в СССР*, Новое издательство, Москва, 2005.
- ГАРФ. Ф.7928. Оп.3. Д.3672.
- *Народное хозяйство СССР в 1975 г.*, Статистика, Москва, 1976
- *Наша деревня*, 1925. №32 (47)
- Никитина Л., „Посмотри в глаза ребенку“, *Комсомольская правда*, 1 ноября 1975
- Отпустите детей, Internet, https://snob.ru/profile/29483/blog/125094?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=rss_blog, 28/08/2017
- *Проблема взаимодействия детского сада и семьи в СССР и постсоветской России*, Internet, <http://doshkolniki.org>
- Скляр И., „Не надо ждать милостей от ...мужчин!“, *Работница*, №3/1989.
- Филатов А. О., *О новых и старых обрядах*, Профиздат, Москва, 1967.
- Фридан Б., *Загадка женственности*, Москва, 1994.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С., *Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование)*, Москва, 1978.

- Что значит «быть хорошей матерью» в современном мире?, Internet, <http://www.bbc.com/russian/features-39892543>, 14/05/2017
- Щепаньский Я., *Элементарные понятия социологии*, Прогресс, Москва, 1969.

Т. А. Мишченко

ДОБРА МАЈКА ИЛИ ПРИЛИЧНО ДОБРА МАЈКА: КА ТРАНСФОРМАЦИЈИ СЛИКЕ МАЈЧИНСТВА У СОВЈЕТСКОМ И ПОСТСОВЈЕТСКОМ ДРУШТВУ

Резиме

У раду се прати настанак и развој социјалног стандарда „добра мајка“. Изворе тог стандарда аутор налази у одређеном социјалном уговору између совјетске државе и мајке-раднице. Услови уговора запослене мајке мењали су се током постојања Совјетског Савеза тако што је стандард „добре мајке“ постајао све сложенији и испуњенији противречним захтевима формирајући на тај начин осећај социјалне кривице и одговорности код жена. Трансформација слике мајчинства у савременом друштву може се повезати с променом нагласка с идеалне „добре мајке“ према стварној „прилично доброј мајци“.

Кључне речи: добра мајка, веома добра мајка, уговор запослене мајке, социјални стандард, совјетско друштво.

Овај рад је примљен 6. јуна 2017. године а прихваћен за штампу на састанку Редакције 7. октобра 2017. године.